

Чёрная стрела

Автор:

Роберт Стивенсон

Чёрная стрела

Роберт Льюис Стивенсон

Действие романа «Черная стрела» происходит в XV веке в эпоху Войны Алой и Белой розы. Юный Дик Шелтон встречается с предводителем вольных стрелков Джоном Мщу-за-всех и переживает множество приключений.

Роберт Льюис Стивенсон

Черная стрела

Пролог

Джон Мщу-за-всех

Как-то раз после полудня поздней весной колокол на башне Тэнстоллского замка Мот зазвонил в неурочное время. Повсюду, в лесу и в полях, раскинувшихся вдоль реки, люди побросали работу и кинулись навстречу звону: собрались бедняки-крестьяне и в деревушке Тэнстолл; они с удивлением прислушивались к колоколу.

В те времена – в царствование старого короля Генриха VI[1 - Генрих VI Ланкастерский – король Англии (1422–1461). Во время его царствования началась война Алой и Белой розы – между сторонниками династий Ланкастеров

и Йорков.] – деревушка Тэнстолл имела почти такой же вид, как теперь. По длинной зеленой долине, спускающейся к реке, было разбросано десятка два домов, построенных из тяжелых дубовых бревен. Дорога шла через мост, потом поднималась на противоположный берег, терялась в лесных зарослях, доходила до замка Мот и шла дальше, к аббатству Холивуд. Перед деревней, на склоне холма, стояла церковь, окруженная тисовыми деревьями. А кругом, куда ни кинешь взор, тянулись леса, над которыми возвышались вершины зеленых вязов и начинающих зеленеть дубов. Возле самого моста на бугре стоял каменный крест; здесь собралась кучка людей – шестеро женщин и долговязый малый в длинной красной рубахе; они спорили о том, что может означать звон колокола. Полчаса назад через деревню проскакал гонец; у харчевни он выпил кружку эля, не слезая с лошади, – так он торопился; но он и сам ничего не знал, он вез запечатанные письма сэра Дэниэла Брэкли сэру Оливеру Отсу – священнику, который управлял замком Мот, пока хозяин был в отъезде.

Внезапно раздался стук копыт; из леса выехал юный мастер[2 - Мастер – молодой барин, барчук.] Ричард Шелтон, воспитанник сэра Дэниэла, и проскакал по гулкому мосту. Он-то уж наверняка знает, что случилось; его окликнули и попросили объяснить. Он охотно остановился. Это был загорелый сероглазый юноша лет восемнадцати, в куртке из оленьей кожи с черным бархатным воротником; на голове у него был зеленый капюшон, за плечами висел стальной арбалет. Гонец, как оказалось, привез важные известия. Предстоит битва. Сэр Дэниэл прислал приказ собрать всех мужчин, способных натягивать лук или носить алебарду, и гнать их как можно скорее в Каттли, а всем, кто ослушается, он грозит своим гневом; но о том, с кем и где придется сражаться, Дик не знал ничего. Скоро явится сюда сам сэр Оливер, а Беннет Хэтч уже вооружается, потому что вести отряд поручено ему.

– Война – разорение нашей доброй страны, – сказала одна из женщин. – Когда бароны воюют, крестьяне едят траву и корни.

– Нет, – возразил Дик. – Всякий, кто пойдет, будет получать по шести пенсов в день, а лучники – по двенадцати.

– Если они будут живы, – ответила женщина, – это неплохо. А что, если их убьют?

– Умереть за своего законного господина – лучшая смерть на свете, – сказал Дик.

– Он мне не господин, – сказал малый в красной рубахе. – Я стоял за Уэлсингэмов; мы все, живущие здесь, на Брайерлайской дороге, стояли за Уэлсингэмов до Сретения в позапрошлом году. А теперь я должен стоять за Брэккли! И все по закону! Разве это правильно? Что мне этот сэр Дэниэл? Что мне этот сэр Оливер, который больше смыслит в законах, чем в честности? У меня есть один законный господин – несчастный король Гарри Шестой,[3 - Генрих VI.] – благослови его бог, – бедняга, не умеющий отличить правую руку от левой.

– Скверный у тебя язык, приятель, – ответил Дик. – Ты позоришь разом и своего славного господина, и его милость короля. Но король Гарри – хвала святым! – снова в добром разуме и скоро восстановит мир. Какой ты смелый, когда сэр Дэниэл не слышит тебя! Но я не доносчик. И довольно об этом!

– Я вам зла не желаю, мастер Ричард, – проговорил крестьянин. – Вы еще мальчик. А вот вырастете и увидите, что карманы ваши пусты. Больше я ничего не скажу. Да помогут святые соседям сэра Дэниэла и да защитит Богородица его воспитанников!

– Клипсби! – сказал Ричард. – Честь моя не позволяет мне слушать такие речи. Сэр Дэниэл – мой добрый господин и мой опекун.

– Ну, если так, – сказал Клипсби, – я вам задам загадку. На чьей стороне сэр Дэниэл?

– Не знаю, – ответил Дик и слегка покраснел, потому что его опекун в это смутное время беспрестанно переходил с одной стороны на другую, и после каждой измены богатства его увеличивались.

– Никто этого не знает, – сказал Клипсби. – Он ложится спать сторонником Ланкастера, а просыпается сторонником Йорка.

На мосту раздался стук железных подков; обернувшись, они увидели скачущего верхом Беннета Хэтча. Это был смуглый седеющий мужчина с тяжелой рукой и суровым лицом, вооруженный копьем и мечом, в стальном шлеме и кожаной куртке. Он был большой человек в тех краях – правая рука сэра Дэниэла в мирное и военное время, а сейчас, по приказу своего господина, – начальник отряда в сто воинов.

– Клипсби, – крикнул он, – отправляйся в замок Мот и пошли туда всех бездельников! Оружейник выдаст тебе кольчугу и шлем. Мы должны двинуться в путь до вечернего звона. Смотри же: того, кто последним явится на сбор, сэр Дэниэл накажет. Помни об этом! Я знаю, какой ты мошенник!.. Нэнс, – прибавил он, обращаясь к одной из женщин, – старик Эппньяд в деревне?

– Нет, – ответила женщина. – Он в поле.

Люди разошлись. Клипсби лениво побрел через мост, а Беннет и юный Шелтон поехали вместе вверх по дороге через деревню, мимо церкви.

– Поглядим на старого ворчуна, – сказал Беннет. – Он будет так долго восхвалять Гарри Пятого,[4 - Генрих V Ланкастерский – король Англии (1413–1422). В 1415 году возобновил Столетнюю войну (1337–1453) с Францией.] что, слушая его болтовню, успеешь подковать лошадь. И все оттого, что он воевал с французами!

Дом, к которому они направлялись, стоял в самом конце деревни, среди кустов сирени; с трех сторон его огибали луга, тянувшиеся до опушки леса.

Хэтч спрыгнул с коня, закинул уздечку на забор и вместе с Диком пошел в поле, где старый солдат, стоя по колена в капусте, рыл землю и время от времени запевал надтреснутым голосом начало какой-то песни. Вся одежда его была кожаная, только капюшон и воротник были сделаны из черной байки и завязаны красными тесемками; лицо его и цветом и морщинами напоминало скорлупу грецкого ореха, но его старые серые глаза были еще ясны и видели хорошо. То ли он был глуховат, то ли считал недостойным старого стрелка, участвовавшего в битве при Азенкуре,[5 - Азенкур – деревушка в Северной Франции. Возле Азенкура 25 октября 1415 года английский король Генрих V разгромил французскую армию.] обращать внимание на всякие мелочи, но ни громкие призывы набата, ни появление Беннета с мальчиком не сдвинули его с места. Он продолжал упрямо копать землю, напевая очень тонким, скрипучим голосом:

Леди, леди, умоляю,

Пожалей меня.

– Ник Эппльярд, – сказал Хэтч, – сэр Оливер шлет тебе привет и просит немедленно принять начальство над замком Мот.

Старик поднял голову.

– Благослови вас бог, господа! – проговорил он насмешливо. – А куда отправляется мастер Хэтч?

– Мастер Хэтч едет в Кэттли и берет с собой всех, кто может сесть на коня, – ответил Беннет. – Предстоит битва, и мой господин требует подкреплений.

– Ах, вот как! – сказал Эппльярд. – А сколько человек ты оставишь мне?

– Я оставляю тебе шесть добрых молодцов и сэра Оливера в придачу, – ответил Хэтч.

– Такой гарнизон замка не защитит, – сказал Эппльярд. – Для защиты замка требуется человек сорок.

– Вот потому мы к тебе и обратились, старый ворчун! – ответил Хэтч. – Кто, кроме тебя, может защитить такой замок с таким гарнизоном?

– Ага! Когда болит мозоль, вспоминают о старом башмаке, – сказал Ник. – Никто из вас не умеет ни на коне сидеть, ни алебарду держать. А как вы все стреляете из лука, – святой Михаил! Если бы старик Гарри Пятый воскрес, он позволил бы вам стрелять в себя и платил бы по фартингу[б - Фартинг – английская мелкая монета.] за выстрел!

– Нет, Ник, есть еще люди, которые умеют как следует натянуть тетиву, – сказал Беннет.

– Натянуть тетиву? – вскричал Эппльярд. – Да, натянуть тетиву умеют и сейчас. А покажите мне хоть один хороший выстрел! Для хорошего выстрела нужен верный глаз, нужна голова на плечах. Какой выстрел на дальнее расстояние ты назвал бы хорошим, Беннет Хэтч?

– Если бы чья-нибудь стрела долетела отсюда до леса, – сказал Беннет, озираясь, – это был бы славный выстрел на дальнейшее расстояние.

– Да, это был бы хороший выстрел, – сказал старик, глядя через плечо. – Отсюда до леса далеко.

Внезапно он поднес руку к глазам и стал из-под ладони разглядывать что-то вдали.

– Кого ты там увидел? – спросил, смеясь, Беннет. – Уж не Гарри ли Пятого?

Старый солдат ничего не ответил и продолжал смотреть вдаль.

Солнце ярко озаряло луга на отлогих склонах холмов; белые овцы щипали траву; было тихо, только издалека доносился звук колокола.

– Что там, Эппльярд? – спросил Дик.

– Птицы, – сказал Эппльярд.

И действительно, там, где лес вдавался в луга длинным языком, кончавшимся двумя зелеными вязами, как раз на расстоянии полета стрелы от поля Эппльярда, испуганно металась стая птиц.

– Что нам за дело до птиц? – сказал Беннет.

– Вот ты, мастер Беннет, отправляешься на войну и считаешь себя мудрецом, а не знаешь, что птицы – прекрасные часовые, – ответил Эппльярд. – Они первые дают знать о предстоящей битве. Если бы мы сейчас находились в лагере, я бы сказал, что нас выслеживают вражеские стрелки. А ты бы ничего не заметил!

– Брось, старый ворчун! – сказал Хэтч. – Здесь вблизи нет никаких стрелков, кроме тех, которыми командует сэр Дэниэл в Кэттли. Мы с тобой тут в безопасности, словно в лондонском Тауэре, а ты пугаешь людей из-за каких-то зябликов и воробьев!

– Вот послушай его! – ухмыльнулся Эппльярд. – Да разве мало здесь негодяев, которые дали бы обрезать себе оба уха, чтобы застрелить меня или тебя! Святой Михаил! Да они ненавидят нас, как двух хорьков!

– Они ненавидят не нас, а сэра Дэниэла, – уже не так уверенно заметил Хэтч.

– Они ненавидят сэра Дэниэла и всех, кто ему служит, – сказал Эппльярд. – И особенно им ненавистны Беннет Хэтч и старый Николас-лучник. Вот ответь мне: если бы там, на опушке леса, находился ловкий малый, а мы с тобой стояли бы так, что ему удобно было бы целиться в нас, – как мы, клянусь святым Георгием, стоим сейчас, – кого бы он выбрал: тебя или меня?

– Бьюсь об заклад, тебя, – ответил Хэтч.

– Ставлю свою куртку против кожаного пояса, что тебя! – вскричал старый стрелок. – Ты сжег Гримстон, Беннет, и они никогда тебе этого не простят. А я и так, с божьей помощью, скоро попаду в надежное место, где меня не достанет ни стрела из лука, ни ядро из пушки. Я старый человек и быстро приближаюсь туда, где мне уготовано ложе. А ты, Беннет, останешься здесь, в этом мире, на твою погибель, и если тебя не повесят прежде, чем ты доживешь до моих лет, значит, истинный английский дух угас.

– Ты самый болтливый дурак во всем Тэнстоллском лесу! – сказал Хэтч, явно раздраженный таким пророчеством. – Бери оружие, делай свое дело, пока не пришел сэр Оливер, и помолчи хоть немного. Если ты столько разговаривал с Гарри Пятым, в его ушах звону было больше, чем в его кармане.

В воздухе, как большой шершень, пропела стрела; она вонзилась в спину старого Эппльярда между лопатками, пронзила его насквозь, и он упал лицом в капусту. Хэтч отрывисто вскрикнул и подпрыгнул; потом согнулся вдвое и побежал к дому, ища прикрытия. А Дик Шелтон спрятался за кустом сирени, прижал свой арбалет к плечу, натянул тетиву и стал целиться в опушку леса.

Ни один листик не шевельнулся. Овцы спокойно щипали траву; птицы уселись на ветви. Но старик лежал, и из спины его торчала стрела; Хэтч стоял, прячась за столбом у крыльца, а Дик, припав к земле, прятался за кустом сирени, готовый к бою.

- Вы видите кого-нибудь? - крикнул Хэтч.

- Ни одна ветка не движется, - ответил Дик.

- Стыдно так оставлять старика, - сказал Беннет и нерешительно шагнул вперед; лицо его было бледно. - Следите за лесом, мастер Шелтон, не спускайте глаз с леса. Да помогут нам святые! Но каков выстрел!

Беннет приподнял старого стрелка и положил к себе на колени. Он еще не умер: лицо его подергивалось, глаза, полные мучительной боли, то открывались, то закрывались.

- Ты слышишь меня, старый Ник? - спросил Хэтч. - Нет ли у тебя какого-нибудь предсмертного желания, старый брат?

- Выньте стрелу и дайте мне умереть, во имя Богоматери! - задыхаясь, сказал Эппльярд. - Я покончил со старой Англией. Выньте стрелу!

- Мастер Дик, - сказал Беннет, - подойдите и дерните хорошенько стрелу. Он сейчас отойдет, бедный грешник...

Дик положил свой арбалет и, с силой дернув стрелу, вытащил ее. Хлынула кровь. Старый лучник приподнялся, призвал бога и рухнул мертвым. Хэтч, стоя на коленях среди капусты, усердно молился о спасении отлетевшей души. Но видно было, что даже во время молитвы мысли его заняты другим - он не сводил глаз с того уголка леса, откуда прилетела стрела. Окончив молитву, он встал, снял железную перчатку и вытер лицо, бледное и мокрое от страха.

- Теперь моя очередь, - сказал он.

- Кто его убил, Беннет? - спросил Ричард, все еще держа в руке стрелу.

- Одним святым это ведомо, - сказал Хэтч. - Мы с ним выгнали из домов и усадеб по крайней мере сорок христианских душ. Он уже уплатил свой долг, бедный ворчун... Быть может, скоро придется платить и мне. Сэр Дэниэл правит слишком сурово.

– Странная стрела, – сказал мальчик, вертя стрелу в руке.

– И правда странная! – воскликнул Беннет. – Черная, с черным оперением. Зловещая стрела! Черный цвет, говорят, предвещает похороны. На ней что-то написано... Сотрите кровь. Прочитали?

– «Эппльярду от Джона Мщю-за-всех», – прочел Шелтон. – Что это значит?

– Дело плохо, – сказал слуга сэра Дэниэла, опустив голову. – Джон Мщю-за-всех! Ну и прозвище у этого негодяя!.. Но чего ради мы стоим здесь, словно мишень для стрельбы? Берите его за ноги, добрый мастер Шелтон, а я возьму за плечи, и отнесем его в дом. Какой страшный удар для бедного сэра Оливера! Он побелеет, как бумага, и будет молиться, размахивая рукой, словно ветряная мельница.

Они подняли старого лучника и отнесли в дом, где он жил один. Они положили его на пол, чтобы не пачкать тюфяка, и старательно выпрямили руки и ноги.

В доме у Эппльярда было чисто и пусто. Кровать, покрытая синим одеялом, шкаф, большой сундук, два складных стула, откидной стол возле камина – вот и вся обстановка.

На стенах висели луки и кольчуги старого воина. Хэтч разглядывал все с любопытством.

– У Ника были деньги, – сказал он. – Он накопил фунтов шестьдесят. Хорошо бы их найти! Когда теряешь старого друга, мастер Шелтон, лучшее утешение – стать его наследником. Посмотрите, какой сундук! Бьюсь об заклад, там груды золота. Он легко брал и с трудом отдавал, этот Эппльярд-лучник. Да упокоит господь его душу! Почти восемьдесят лет он ходил по земле и добывал себе добро; а теперь он лежит навзничь, бедный ворчун, и ничего ему больше не надо. И если его добро достанется его доброму другу, ему будет веселее на небесах.

– Оставь, Хэтч, – сказал Дик. – Имей уважение к его незрячим глазам. Неужели ты хочешь обокрасть мертвеца? Смотри, он рассердится и встанет!

Хэтч несколько раз перекрестился; однако щеки его уже покраснелись, и он не хотел отказаться от своего замысла. Сундуку пришлось бы плохо, но внезапно скрипнула калитка, отворилась дверь и в дом вошел высокий, полный, румяный, черноглазый человек лет пятидесяти, в стихаре и черной рясе.

– Эппльярд! – проговорил вошедший и вдруг замер. – Ave Maria![7 - Ave Maria (святая дева) – начало католической молитвы.] – воскликнул он. – Да защитят нас святые! Что это за шутки?

– Скверные шутки, сэр священник! – ответил Хэтч с деланной веселостью. – Эппльярда застрелили у дверей его собственного дома, и теперь он входит во врата чистилища. Там, если говорят правду, ему не нужны ни уголь, ни свечка.

Сэр Оливер с трудом добрался до грубо сколоченного стула и сел на него, дрожащий и бледный.

– Вот он, божий суд! О, какой удар! – произнес он сквозь слезы и начал торопливо бормотать молитвы.

Хэтч набожно снял свой шлем и опустил на колени.

– За что его убили, Беннет? – спросил священник, очнувшись. – Кто тот враг, который убил его?

– Вот стрела, сэр Оливер. Посмотрите, что на ней написано, – сказал Дик.

– Такое имя противно даже выговорить! – воскликнул священник. – Джон Мщу-за-всех! Вполне подходящее прозвище для еретика. И зловещая черная стрела... Эта стрела мне не нравится. Надо посоветоваться. Кто бы это мог быть? Подумай, Беннет. Кто из бесчисленных наших недоброжелателей способен с такой смелостью выступить против нас? Симнэл? Сомневаюсь. Уэлсингэмы? Нет, до этого они еще не дошли; они еще надеются победить нас с помощью закона, когда переменятся времена. Может быть, Саймон Мэлмсбэри? Как ты думаешь, Беннет?

– А не кажется ли вам, сэр, – сказал Хэтч, – что это Эллис Дэкуорт?

– Нет, Беннет, никогда! Нет, не он, – проговорил священник. – Бунт, Беннет, никогда не начинается снизу, – все здравомыслящие летописцы сходятся в этом. Бунт всегда идет сверху вниз. Когда Дик, Том и Гарри[8 - Дик, Том и Гарри – распространенные английские имена. В переносном значении – простой народ.] хватаются за свои алебарды, взглядишь внимательно и поищи, кому из лордов это выгодно. Теперь сэр Дэниэл снова примкнул к партии королевы и в немилости у лордов партии Йорка. Это они нанесли нам удар, Беннет. Подробности я еще выясню, но главное мне уже ясно.

– Прошу прощения, сэр Оливер, но вы не правы, – сказал Беннет. – В стране начинается пожар, и я давно уже чую запах гари. Бедный грешник Эппльярд тоже чуял этот запах. Народ так ненавидит всех нас, что для бунта не нужно ни Ланкастера, ни Йорка. Вы, служитель церкви, и сэр Дэниэл, вечно поворачивающийся туда, куда дует ветер, слишком многих ограбили, избили, повесили. Вас пытались судить за это, но не знаю как, а закон всегда оказывался на вашей стороне. Вы думаете, на том и делу конец? Нет, извините, сэр Оливер! Избитый и ограбленный человек затаил ярость, и в какой-нибудь несчастный день, когда его попутает нечистый, он возьмет свой лук и всадит в вас стрелу длиной в целый ярд.

– Ты все врешь, Беннет, и твое счастье, Беннет, что я ни во что не ставлю твою болтовню, – сказал сэр Оливер. – Ты пустомеля, Беннет, болтун, трещотка! У тебя рот до ушей. Помни это, Беннет, очень советую тебе об этом не забывать!

– Ни слова больше не скажу. Пусть будет по-вашему, – ответил Хэтч.

Священник встал со стула и из футляра, висевшего у него на груди, вынул сургуч, свечку, кремь и огниво. И Хэтч с неудовольствием смотрел, как он накладывает печать сэра Дэниэла на шкаф и на сундук. Когда печати были наложены, все трое не без страха выскользнули из дома и добрались до своих коней.

– Нам пора уже быть в пути, сэр Оливер, – сказал Хэтч, помогая священнику всунуть ногу в стремя.

– Много изменилось, Беннет, – ответил священник. – Я хотел оставить Эппльярда в замке, но Эппльярд убит, упокой, господи, его душу! Я оставляю тебя, Беннет. Я хочу, чтобы в эти дни черных стрел возле меня был верный

человек. «Стрела во дне летящая», говорится в евангелии; не помню, как там дальше. Я нерадивый священник, я слишком погружен в мирские дела. Скорей, скорей. Хэтч. Всадники, наверно, уже в церкви.

Они помчались по дороге; ветер раздувал полы священнической рясы; за их спинами медленно поднимавшиеся тучи уже скрыли солнце. Они проскакали мимо трех домиков деревушки Тэнстолл, свернули на повороте и увидели церковь. Около нее ютилась дюжина домишек, а за нею начинались луга. У ворот кладбища собралось человек двадцать; одни уже сидели в седлах, другие стояли возле своих лошадей. Вооружены они были кое-как и все по-разному: у одного копье, у другого алебарда, у третьего лук; на многих лошадях еще не засохла грязь пашни: все это были самые захудалые из местных крестьян, так как все лучшие кони и люди давно уже ушли в поход вместе с сэром Дэниэлом.

– Клянусь крестом Холивуда, отряд неплохой! Сэр Дэниэл будет доволен, – сказал священник, подсчитывая воинов.

– Кто идет? Стой, если ты честный человек! – внезапно закричал Беннет.

Кто-то крался по церковному двору между вязами; услышав окрик Хэтча, незнакомец перестал скрываться и со всех ног бросился к лесу. Люди, стоявшие в воротах, только сейчас увидели незнакомца и встrepенулись. Пешие кинулись к лошадям, верховые сразу поскакали в погоню; но им пришлось огибать церковь и кладбище, и скоро стало ясно, что добыча ускользнет от них. Хэтч, громко ругаясь, хотел перескочить через забор, но конь его отказался прыгать, и всадник вылетел из седла. Хотя он сразу же вскочил на ноги и схватил коня за узду, время было упущено, и беглец находился уже так далеко, что не оставалось никакой надежды догнать его.

Умнее всех поступил Дик Шелтон. Вместо того чтобы напрасно гнаться за беглецом, он снял со спины свой арбалет, натянул его и вложил в него стрелу, потом повернулся к Беннету и спросил, нужно ли стрелять.

– Стреляй! Стреляй! – закричал священник с кровожадной яростью.

– Попадите в него, мастер Дик, – сказал Беннет. – Пусть он свалится, как спелое яблочко.

Беглецу оставалось сделать всего несколько прыжков, чтобы оказаться в безопасности, но конец луга круто поднимался вверх по склону холма, и бежать приходилось медленно. Начались сумерки, и целиться в бегущего человека было нелегко. Целясь, Дик почувствовал нечто вроде жалости; по правде сказать, он хотел бы промахнуться. Стрела полетела...

Человек споткнулся и упал. Хэтч радостно крикнул, и все кругом закричали. Но радовались они преждевременно. Человек с легкостью поднялся, издевательски махнул им на прощанье своей шляпой и исчез в чаще леса.

– Да подохнет он от чумы! – крикнул Беннет. – У него ноги вора, и бегаёт он быстро, как вор. Однако вы ранили его, мастер Шелтон. Он украл вашу стрелу, но я о ней не жалею!

– Что он делал возле церкви? – спросил сэр Оливер. – Наверно, что-нибудь очень дурное. Клипсби, дружок, слезь с коня и поищи хорошенько среди вязов.

Клипсби скоро вернулся с какой-то бумагой в руках.

– Эта бумага была приколотая к церковным дверям, – сказал он, подавая бумагу священнику. – Больше я ничего не нашёл, сэр священник.

– Клянусь могуществом нашей матери-церкви, – вскричал сэр Оливер, – это похоже на святотатство! Только королю или лорду можно разрешить вывешивать приказы на церковных дверях. Но чтобы всякий бродяга в зелёной куртке мог прибавлять бумаги к церковным дверям!.. Нет, это слишком похоже на святотатство. Многих сжигали и не за такие преступления! Но что здесь написано? Быстро темнеет. Ричард, у тебя молодые глаза. Прочти мне, пожалуйста, эту писульку.

Дик Шелтон взял у него бумагу и прочёл её вслух. Это были грубые, кое-как срифмованные вирши, полуграмотно написанные крупными буквами:

Четыре я стрелы пущу,

И четверым я отомщу,

Злодеям гнусным четверым,
Старинным недругам моим.
Одной стрелы уж нет – пронзен
Злой Эппльярд, и умер он.
Стрела вторая ищет встреч
С тобою, мастер Беннет Хэтч.
А третьей сэр Оливер мил,
Что Гарри Шелтона убил.
Сэр Дэниэл, исчадье зла,
Тебе четвертая стрела!
Они черны и до конца
Вонзятся в черные сердца.
Они без промаха летят
И никого не пощадят.

Джон Мщу-за-всех из Зеленого леса и его веселые товарищи

Кстати, у нас в запасе есть стрелы и хорошие пеньковые веревки для всех ваших сторонников.

– Куда девалось милосердие? Где христианские добродетели? – горестно воскликнул сэр Оливер. – Господа, мы живем в скверном мире, и с каждым днем он становится все хуже. Я готов поклясться на кресте Холивуда, что я так же неповинен в убийстве того славного рыцаря, о котором здесь говорится, как новорожденный младенец! Да никто его и не убивал. Это заблуждение... Есть еще живые свидетели.

– Напрасно вы об этом говорите, – сказал Беннет. – Совсем ненужный разговор.

– Нет, Беннет, ты не прав. Знай свое место, добрый Беннет, – ответил священник. – Я докажу свою невиновность. Я вовсе не желаю быть убитым по ошибке. Беру всех в свидетели, что я чист в этом деле. В то время меня даже не было в замке Мот. Меня отослали куда-то по делу, когда еще не было девяти часов...

– Сэр Оливер, – перебил его Хэтч, – так как вам не угодно прервать эту проповедь, приму свои меры... Гофф, труби, чтобы садились на коней.

Пока труба трубила, Беннет подошел вплотную к удивленному священнику и что-то яростно шепнул ему в ухо.

Священник испуганно взглянул на Дика Шелтона, и Дик заметил этот взгляд. Дику было над чем поразмыслить, потому что сэр Гарри Шелтон был его родной отец. Но он не сказал ни слова, и даже лицо его не дрогнуло.

Хэтч и сэр Оливер обсудили изменившуюся обстановку. В замке Мот решено было оставить десять человек – не столько для защиты замка, сколько для охраны священника на пути через лес. Так как Беннет принужден был остаться, командование отрядом, отправляемым на подкрепление к сэру Дэниэлу, поручили Дику Шелтону. Другого выбора не было. Отряд состоял из темных, неповоротливых людей, неопытных в военном деле, а Дика любили – он был рассудителен и смел не по годам. Хотя всю свою юность он прожил в глуши, но сэр Оливер научил его читать и писать, а Хэтч – владеть оружием и командовать войсками. Беннет Хэтч всегда хорошо относился к Дику; он был из тех людей, которые жестоки к врагам, но по-своему грубовато преданы друзьям. И теперь, когда сэр Оливер скрылся в ближайшем доме, чтобы написать своим четким, красивым почерком донесение о всех последних событиях сэру Дэниэлу Брэкли, Беннет подошел к своему ученику, чтобы пожелать ему успеха.

– Идите дальним путем, в обход, мастер Шелтон, – сказал он. – Держитесь подальше от моста, если вам дорога жизнь. Пусть в пятидесяти шагах перед вами все время идет верный человек. Соблюдайте осторожность, пока не минуете лес. Если негодяи нападут на вас – удирайте. Принимать бой не следует – вас слишком мало. И удирайте вперед, мастер Шелтон, а не назад, если вам дорога жизнь: помните, что здесь, в Тэнстолле, некому вам помочь. Так как вы отправляетесь на великую войну за короля, а я остаюсь здесь, где жизни моей грозит опасность, и так как одни святые знают, увидимся ли мы еще с вами на земле, я хочу дать вам перед вашим отъездом последний совет.

Остерегайтесь сэра Дэниэла. Не доверяйте и этому шутому священнику. Он незлой человек, но он исполняет чужую волю: он орудие сэра Дэниэла! Там, куда вы направляетесь, найдите себе хорошего покровителя; приобретайте дружбу сильных людей. И поминайте в своих молитвах Беннета Хэтча. На свете немало негодяев и хуже Беннета.

Желаю вам удачи!

– Да поможет тебе бог! – ответил Дик. – Ты всегда относился ко мне по-дружески, и я этого не забуду.

– Послушайте, – прибавил Хэтч смущенно, – если этот Мщу-за-всех проткнет меня стрелой, пожертвуйте золотую марку... нет, лучше фунт... за упокой моей бедной души. А то боюсь, как бы мне не пришлось скверно в чистилище.

– Твоя воля будет исполнена, – ответил Дик. – Но ты напрасно тревожишься, друг. Там, где мы с тобой скоро встретимся, эль будет тебе нужней, чем молитвы.

– Дай-то бог, мастер Дик! – сказал Хэтч. – Но вот идет сэр Оливер. Если бы он так же ловко владел луком, как он владеет пером, из него вышел бы славный воин.

Сэр Оливер вручил Дикю запечатанный пакет, на котором было написано: «Моему глубокочтимому господину сэру Дэниэлу Брэкли, рыцарю. Передать немедленно».

Дик сунул пакет за пазуху, приказал отряду следовать за собой и двинулся из деревушки на запад.

Часть I

Два мальчика

Глава I

Под вывеской «Солнца» в Кэттли

Сэр Дэниэл и его воины разместились на эту ночь в Кэттли и ближайших окрестностях по теплым, хорошо охраняемым домам. Но тэнстоллский рыцарь был из тех людей, которые ни на минуту не прекращают погони за деньгами; и даже теперь, накануне похода, в котором он должен был либо победить, либо погибнуть, он поднялся в час ночи, чтобы выколотить деньги из своих бедных соседей. Он очень много наживал на спорных наследствах. Обыкновенно он покупал право наследства у какого-нибудь безнадежного претендента и потом с помощью могущественных лордов, окружающих короля, добивался неправильных решений в свою пользу; если же это было слишком хлопотно, он попросту захватывал спорное поместье силой оружия, а затем с помощью своих связей и сэра Оливера, который умел вертеть законами как угодно, удерживал захваченное. Таким способом совсем недавно он наложил свою лапу и на деревню Кэттли; здесь он все еще встречал отпор со стороны крестьян, и, чтобы подавить недовольных, он повел свои войска именно этим путем. В два часа ночи сэр Дэниэл сидел в харчевне возле очага, так как по ночам в окруженном болотами Кэттли было холодно. У его локтя стояла кружка приправленного пряностями эля. Он снял свой шлем с забралом и сидел – лысый, тощий, смуглый, закутанный в кроваво-красный плащ, – опустив голову на руку. В дальних углах комнаты расположились его воины – человек двенадцать; одни из них стояли на часах, другие спали на скамьях; а на полу на плаще лежал мальчик лет двенадцати-тринадцати. Хозяин «Солнца» стоял перед своим господином.

– Слушайся моих повелений, хозяин, – говорил сэр Дэниэл, – и я всегда буду тебе добрым господином. Я желаю, чтобы моими деревнями управляли хорошие люди; я желаю, чтобы Адам-э-Мор был избран главным констэблем; позаботься об этом. Если вы изберете другого, вам будет плохо. Я вам спускать не собираюсь, вы все провинились передо мной, потому что вы все платили оброк Уэлсингэму. И ты тоже платил, мой любезный хозяин.

– Славный рыцарь, – сказал хозяин, – я готов присягнуть на кресте Холивуда, что я платил Уэлсингэму только по принуждению. Нет, достойный рыцарь, я не люблю негодных Уэлсингэмов! Они бедны, словно воры, достойный рыцарь. Мне нужен такой великий лорд, как вы. Спросите кого угодно – все скажут, что я всегда стоял за Брэкли.

– Может быть, – сухо проговорил сэр Дэниэл. – И поэтому ты заплатишь вдвое.

Трактирщик сморщился; но подобные беды нередко случались в те беспокойные времена, и в глубине души он, вероятно, был рад, что еще дешево отделался.

– Введи старика, Сэлдэн! – крикнул рыцарь.

Один из воинов ввел в комнату оборванного, сгорбленного старика, бледного, как свеча, и дрожащего от болотной лихорадки.

– Как тебя зовут? – спросил сэр Дэниэл.

– С позволения вашей милости, – ответил старик, – меня зовут Кондолл. Кондолл из Шорби, с разрешения вашей милости.

– Мне рассказывали о тебе много дурного, – сказал рыцарь. – Тебя подозревают в измене, негодяй! Ты не платишь оброка. Тебя обвиняют в убийстве многих людей. Вот какой ты, оказывается, храбрец! Не беспокойся, я тебя усмирю!

– Глубокопочтимый и высокоуважаемый лорд, – вскричал старик, – тут какая-то путаница! Я бедный человек, я никогда никого не обижал.

– Помощник шерифа[9 - Шериф – в Англии должностное лицо, выполняющее главным образом административные и судебные функции.] отзывался о тебе очень скверно, – сказал рыцарь. – «Подайте мне, – велел он, – этого Тиндэла из Шорби».

– Меня зовут Кондолл, мой добрый лорд, – сказал несчастный.

– Кондолл или Тиндэл – это все равно, – холодно ответил сэр Дэниэл. – Ты попался, и я сильно сомневаюсь в твоей честности. Если хочешь спасти свою шею, напиши мне сейчас же обязательство заплатить двадцать фунтов.

– Двадцать фунтов, мой добрый лорд! – воскликнул Кондолл. – Это безумие! Все, что у меня есть, не стоит и семидесяти шиллингов.

– Кондолл или Тиндэл, – со смехом сказал сэр Дэниэл, – я готов принять весь риск на себя. Напиши мне обязательство на двадцать фунтов, я получу с тебя все, что удастся получить, и, по своей доброте, прощу тебе остальное.

– Увы, мой добрый лорд, я не умею писать, – сказал Кондолл.

– Ну что же, – сказал в ответ рыцарь, – ничего не поделаешь. Мне так хотелось пощадить тебя, Тиндэл, но совесть не позволяет... Сэлдэн, отведи вежливо этого старого ворчуна к ближайшему вязу да повесь его там понежнее за шею, чтобы я видел, когда буду проезжать мимо... Доброго пути вам, славный Кондолл, милый Тиндэл! Вы на всем скаку въедете в рай. Доброго вам пути!

– О лорд, как прелестны ваши шутки! – льстиво ответил Кондолл и заставил себя улыбнуться. – Вам подобает требовать, а мне подобает подчиняться, и я, несмотря на все мое неумение, попробую написать обязательство.

– Друг, – сказал сэр Дэниэл, – теперь ты напишешь на сорок фунтов. Полно! Ты хитер, и имущество твое стоит не семьдесят шиллингов... Сэлдэн, последи, чтобы он все написал как следует и чтобы подпись его была правильно засвидетельствована.

И сэр Дэниэл, самый веселый рыцарь в Англии, хлебнув теплого эля, со смехом откинулся на спинку стула.

Мальчик на полу шевельнулся, сел и испуганно оглядел комнату.

– Ступай сюда, – сказал сэр Дэниэл; и, когда мальчик, повинувшись его приказанию, встал и медленно подошел к нему, он снова откинулся назад и громко расхохотался. – Клянусь распятием! – крикнул он. – Какой крепкий мальчишка.

Мальчик покраснел от гнева, и в темных его глазах сверкнула ненависть. Теперь, когда он стоял, трудно было определить его возраст. Лицо у него было свежее, как у ребенка, но выражение лица было уже не детское; телом он был необычайно тонок и ходил несколько неуклюже.

– Вы позвали меня, сэр Дэниэл, – сказал он, – для того, чтобы посмеяться над моим печальным положением?

– А почему не посмеяться? – спросил рыцарь. – Будь добр, разреши и мне посмеяться. Если бы ты мог видеть себя, ты первый бы расхохотался.

– Когда вы будете платить за все, вы заплатите и за это, – сказал мальчик, густо краснея. – А пока смейтесь сколько вам угодно!

– Не думай, что я насмехаюсь над тобой, добрый братец, – ответил сэр Дэниэл, перестав смеяться. – Это только шутки, вполне дозволенные между друзьями и близкими людьми. Я устрою твой брак, получу за него тысячу фунтов и буду очень тебя любить. Правда, я завладел тобой несколько грубо, но другого выхода не было... Однако отныне я буду служить тебе от всего сердца. Ты станешь миссис Шелтон... нет, леди Шелтон, клянусь небом, потому что мальчик далеко пойдет. Вздор! Нечего стесняться честного смеха, смех разгоняет печаль. Дурные люди никогда не смеются, добрый братец... Почтеннейший хозяин, дай поужинать моему братцу, мастеру Джону... Садись, дорогой, и кушай.

– Нет, – сказал Джон, – есть я не стану. Вы вовлекли меня в грех, и мне нужно подумать о своей душе... Добрый хозяин, будь любезен, принеси мне кружку чистой воды. Ты очень обяжешь меня своей любезностью.

– Ты получишь отпущение всех своих грехов, черт побери! – крикнул рыцарь. – Исповедуешься, и делу конец. Не беспокойся об этом, ешь.

Но мальчик был упрям; он выпил чашку воды, завернулся в свой плащ, сел в дальний угол и мрачно задумался.

Под утро в деревне поднялась суматоха, послышались оклики часовых, зазвенело оружие, застучали копыта; отряд всадников подъехал к дверям харчевни, и Ричард Шелтон, забрызганный грязью, перешагнул через порог.

– Да хранит вас небо, сэр Дэниэл! – сказал он.

– Как! Дикки Шелтон! – вскричал рыцарь. Сидевший в углу мальчик, услышав имя Дика, с любопытством поднял голову. – А где Беннет Хэтч?

– Вот вам, сэр рыцарь, пакет от сэра Оливера. Прочтите, что он пишет, и все узнаете, – ответил Ричард, подавая ему письмо священника. – И, пожалуйста, поторопитесь, потому что необходимо немедленно скакать во весь опор к Райзингэму. На пути мы повстречали гонца, бешено мчавшегося с письмами; он сообщил нам, что милорд Райзингэм осажден в своем замке и ждет от вас помощи.

– Как ты сказал? Осажден в своем замке? – переспросил рыцарь. – Нет, мы будем во весь опор сидеть здесь, добрый Ричард. В нашем несчастном английском королевстве кто тише едет, тот дальше будет. Говорят, что опаздывать опасно; а по-моему, опаснее всего спешить. Запомни это, Дик. Но прежде дай мне поглядеть, что за скотину ты пригнал сюда... Сэлдэн, принеси факел!

Сэр Дэниэл вышел на деревенскую улицу и при красном свете факела осмотрел свои новые войска. Его не любили как соседа, не любили как господина, но те, кто сражался под его знаменами, очень любили его как военачальника.

Его решительность, испытанное мужество, забота об удобствах солдат, даже его грубые шутки – все это нравилось храбрецам в латах и шлемах.

– Клянусь распятием, – крикнул он, – что за жалкие псы! Одни искривлены, как луки, другие тощи, как копья. Друзья, во время битвы я пушу вас вперед: таких, как вы, беречь не стоит. Дайте мне разглядеть этого старого дурака на пегой кляче! Двухлетний баран верхом на свинье больше похож на солдата, чем ты... А, Клипсби! И ты здесь, старая крыса? Вот человек, которым я совсем не стану дорожить! Ты поедешь впереди всех, а на груди у тебя будет нарисована мишень, чтобы неприятельские стрелки не промахнулись. Итак, решено: ты будешь скакать впереди и показывать мне дорогу.

– Я покажу вам любую дорогу, сэр Дэниэл, но только не ту, что ведет к измене, – бесстрашно ответил Клипсби.

Сэр Дэниэл громко расхохотался.

– Хорошо сказано! – воскликнул он. – У тебя во рту поворотливый язык, черт тебя побери! Прощаю тебе это веселое слово... Сэлдэн, накорми людей и коней.

И рыцарь вернулся в харчевню.

– Ну, друг Дик, начинай, – сказал он. – Вот славный эль, вот свинина. Ешь, а я пока почитаю.

Он вскрыл пакет, прочел письмо и нахмурился. Несколько минут он сидел размышляя. Потом внимательно посмотрел на своего воспитанника.

– Дик, – спросил он, – ты читал эти скверные стишки?

Мальчик ответил утвердительно.

– В них поминают твоего отца, – сказал рыцарь, – и какой-то помешанный обвиняет нашего несчастного болтуна-священника в том, что он убил его.

– Сэр Оливер это отрицает, – ответил Дик.

– Отрицает? – воскликнул рыцарь резко. – А ты не слушай его. У него язык без костей, болтает, словно сорока. Я когда-нибудь в свободную минутку все сам тебе расскажу, Дик. В убийстве твоего отца подозревали некоего Дэкуорта; но время было смутное, и добиться правосудия нам не удалось.

– Отца убили в замке Мот? – спросил Дик, и сердце его забилося.

– Между замком Мот и Холивудом, – ответил сэр Дэниэл совершенно спокойно, но исподтишка мрачно и подозрительно глянул Дику в лицо. – Ну, ешь поскорее, – прибавил рыцарь, – ты повезешь в Тэнстолл письмо от меня.

Дик опечалился.

– Прошу вас, сэр Дэниэл, – воскликнул он, – пошлите кого-нибудь из крестьян! Позвольте мне принять участие в битве. Я буду храбро сражаться!

– Не сомневаюсь, – ответил сэр Дэниэл и сел писать письмо. – Но нас, Дик, вовсе не ждут воинские почести. Я буду сидеть тут, в Кэттли, до тех пор, пока не станет ясно, кто победит в этой войне, и тогда присоединюсь к победителю. Не говори, что это трусость, Дик, – это мудрость! Наше несчастное государство измучено бунтами, король то на троне, то в тюрьме, и никто не может знать, что

будет завтра. Пустомели и Ветрогоны сражаются на одной стороне или на другой, а лорд Здравый Смысл сидит и ждет.

С этими словами сэра Дэниэла повернулся к Дику спиной и, усевшись за другим концом стола, принялся писать письмо. История с черной стрелой очень встревожила его.

Тем временем молодой Шелтон усердно ел. Вдруг кто-то тронул его за руку и над ухом раздался шепот.

– Не подавайте виду, что вы слышите, умоляю вас! – шептал чей-то голос. – Окажите мне услугу: объясните, какой дорогой можно быстрее добраться до Холивуда. Умоляю вас, добрый мальчик, помогите несчастному, попавшему в беду, укажите мне путь к спасению!

– Идите мимо ветряной мельницы, – ответил Дик шепотом. – Тропинка доведет вас до переправы через Тилл. Там вам расскажут, как идти дальше.

Он даже головы не повернул и снова принялся за еду. Но уголком глаз он заметил, как тот мальчик, которого называли «мастер Джон», осторожно выскользнул из комнаты.

«Он ничуть не старше меня, – подумал Дик. – И он осмелился назвать меня добрым мальчиком! Да если бы я знал, что со мной так разговаривает мальчишка, я бы скорее повесил его, чем указал ему дорогу!»

Полчаса спустя сэра Дэниэла вручил Дику письмо и приказал ему мчаться в замок Мот. А через полчаса после того, как Дик уехал, в комнату влетел запыхавшийся гонец милорда Райзингэма.

– Сэр Дэниэл, – сказал гонец, – вы теряете прекрасный случай заслужить славу! Утром на рассвете началась битва. Мы разбили их передовые части и рассеяли правое крыло. Предстоит последнее сражение. У вас свежие силы, и вы можете опрокинуть неприятеля в реку. Что вы скажете, сэр рыцарь? Неужели вы явитесь последним? Это обесславит вас!

– Я только что собирался выступить! – вскричал рыцарь. – Сэлдэн, труби поход!.. Сэр, я следую за вами. Большая часть моего отряда пришла сюда всего два часа назад, сэр. Что тут будешь делать? Если коня слишком пришпоривать, он сдохнет... Живо, ребята!

В утреннем воздухе весело запела труба; воины сэра Дэниэла сбегались со всех сторон на главную улицу и строились перед харчевней. Они спали с оружием в руках, не расседывая лошадей, и через десять минут сто копьеносцев и лучников, чисто одетых и хорошо дисциплинированных, стояли в рядах, готовые двинуться в бой. Почти все были одеты в цвета сэра Дэниэла – темно-красный с синим, – и это придавало им нарядный вид. Те, которые были лучше вооружены, построились впереди, а сзади всех, в конце колонны, расположилось жалкое подкрепление, явившееся накануне вечером. Сэр Дэниэл с гордостью оглядел свой отряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Генрих VI Ланкастерский – король Англии (1422–1461). Во время его царствования началась война Алой и Белой розы – между сторонниками династий Ланкастеров и Йорков.

2

Мастер – молодой барин, барчук.

3

Генрих VI.

4

Генрих V Ланкастерский – король Англии (1413–1422). В 1415 году возобновил Столетнюю войну (1337–1453) с Францией.

5

Азенкур – деревушка в Северной Франции. Возле Азенкура 25 октября 1415 года английский король Генрих V разгромил французскую армию.

6

Фартинг – английская мелкая монета.

7

Ave Maria (святая дева) – начало католической молитвы.

8

Дик, Том и Гарри – распространенные английские имена. В переносном значении – простой народ.

9

Шериф – в Англии должностное лицо, выполняющее главным образом административные и судебные функции.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/robert-stivenson/chyornaya-strela-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)